

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ)

Галиева Н.Ф.

ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, отделение татарской филологии и культуры им. Г. Тукая, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого, Казань, Россия (420021, Казань, ул. Татарстан, 2), e-mail: ifmk@kpfu.ru

В статье рассматриваются способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе через призму фразеологизмов. В интерпретации окружающего мира, выражаемой через фразеологизмы, участвуют эмоции. Однако эмоциональная составляющая фразеологизмов в татарской лингвистике не рассматривалась как отдельный объект исследования. В статье раскрываются истоки эмоциональности фразеологизмов, которые сосредоточены в коннотативном макрокомпоненте слова. Коннотация – это макрокомпонент семантики слова, обуславливающий его эмоциональность и состоящий из таких микрокомпонентов, как образность, оценочность, эмоциональность и интенсивность. Эмоции традиционно принято делить на положительные и отрицательные. Компоненты коннотативной структуры слова участвуют в выражении эмоций либо одновременно, либо сочетаясь друг с другом в различных комбинациях, однако один из компонентов эмоциональности, как правило, бывает выражен ярче, чем другие компоненты. Исследование коннотации и его составляющих компонентов и их роли в выражении эмоциональности позволяет научиться грамотно использовать фразеологизмы татарского языка, определять их эмоциональную нагрузку, что является большим подспорьем для изучающих татарский язык.

Ключевые слова: фразеологизм, эмоциональность, образность, интенсивность, оценочность, коннотация, татарский язык.

EMOTIONALITY AS A SPECIAL FEATURE OF PHRASEOLOGISMS (ON THE EXAMPLE OF MODERN TATAR PROSE)

Galieva N.F.

Kazan (Volga Region) Federal University, Leo Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan, Russia (2 Tatarstan St., Kazan, Tatarstan 420008), e-mail: ifmk@kpfu.ru

The article discusses ways of expressing emotionality in the modern Tatar prose through the prism of phraseology. In the interpretation of the world, expressed through phraseologisms, emotions are involved. However the emotional component of phraseology in the Tatar linguistics was not investigated as a separate object of study. The article reveals the origins of emotionality of phraseologisms, which are concentrated in the connotative macrocomponent of a word. Connotation – is a macrocomponent of the semantics of a word and it forms its emotionality. Connotation consists of micro-components such as the imagery, appraisal, emotionality and intensity. Traditionally emotions are divided into positive and negative emotions. Connotation components in the structure of a word involved in the expression of emotions both simultaneously or combining with each other in various combinations, but one of them is usually expressed brighter than the other components. Investigation of connotation and its components in expressing emotionality allows to use phraseologisms in proper way and identify their emotional potential as a native-speaker. That's why the article is a great help for people who learn Tatar.

Keywords: phraseologism, emotionality, imagery, intensity, appraisal, connotation, the Tatar language.

Используемый человеком язык не только фиксирует мир, но и интерпретирует зафиксированное. В процессе интерпретации в человеке включается эмоциональная составляющая. В числе средств вербализации эмоций особая роль принадлежит фразеологическим единицам.

Фразеологизмы – это застывшие неразложимые словосочетания. Изучение для общей теории фразеологии сыграли труды В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. Н. Телии, Н. Н. Амосовой, А. В. Кунина и др. В тюркской лингвистике данная проблема разрабатывалась Ш.

Рахматуллаевым, З. Ураксиным, в татарской лингвистике данная проблема разрабатывалась Н. Исанбагом, Л. Заляем, Н. Бурхановой, Л. Махмутовой, Г.Х. Ахатовым, Л.К. Байрамовой, А.Э. Хабибуллиной. Данной проблеме посвящены исследования А.Г. Сагитовой и Э.Р. Ибрагимовой, Д.А. Гильфановой, Г.Р. Галиуллиной и др. Однако эмоциональность фразеологизмов, используемых в современной татарской прозе, до сих пор является недостаточно исследованной. Данное обстоятельство и составляет цель нашего исследования.

В изучении семантики слова используется метод компонентного анализа и описательный методы, исследование дополняется стилистическим методом и методом психологического анализа.

В основе многих фразеологизмов лежит образность. Образность достаточно широкое понятие. Н.А. Гайдук определяет образность как «живость, наглядность, красочность изображения как неотъемлемый признак любого вида искусства, форма осознания окружающей действительности с позиций некоего эстетического идеала» [1]. Из определения видно, что понятие «образность» используется не только в лингвистике. Поэтому в данной работе мы будем опираться на узкое лингвистическое определение образности, которое хорошо определено Н. А. Лукьяновой. Ученая понимает под образностью «семантический компонент, актуализирующий образные ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным предметом, явлением, называемым данным словом» [6]. Из определения видно, что ассоциации имеют конкретную номинативную природу, и возникают на ее основе. Следовательно, у образности как семантического явления существует передний план в качестве прямого значения слова и задний план в качестве переносного значения слова. В следующих примерах представлены образные фразеологические сочетания. Например: *Тик менә соңгы вакытта зиһенем томаланды, хәтерем начар, акылым да алышынгалап тора, - шул сәбәпле нинди революция икәнән әлегә бәтенләй үк аңлап бетермим* (Только вот в последнее время сознание мое помрачилось, память уже не та и рассудок не тот – поэтому, что за революция собирается нагрянуть, еще и сам не понял) [10]. В данном предложении образность словосочетания *зиһен томаланды* (сознание помрачилось) возникло на основе переносного использования лексемы *томалау*, использующеся в прямом значении как «перекрытие наглухо чего-либо открытого» [9]. Здесь помрачение сознания ассоциируется с конкретным явлением – с закрытием того, к чему в нормальном состоянии доступ есть. Само понятие закрытости вызывает у человека чувство настороженности, неприятия, т.е. отрицательную эмоцию. Это прослеживается в том числе и на примере других фразеологизмов: *ябык казан ябык калсын* (не будем допытываться), *ябылып яту* (быть в заточении), *я ләхет, я тәхет* (либо пан, либо

пропал) [7]. Фразеологизм *ябык казан ябык калсын* дословно переводится как *пусть закрытый казан останется закрытым*. Данный фразеологизм образен и выражает желание субъекта не вызывать чувство тревоги от неизвестного. Исходя из того, что человек обычно классифицирует вещи на приятное – неприятное, удовольствие – страдание, мы можем предположить, что неизвестное скорее будет относиться к неприятному, чем приятному, страданию, чем удовольствию. Данное обстоятельство в конечном итоге становится понятным в контексте. Страдание является самой сильной эмоцией, и человек всю жизнь занимается тем, чтобы эту эмоцию исключить. Именно поэтому она запоминается сильнее, чем любая положительная эмоция. Из вышеизложенного мы можем понять теперь, почему человеку лучше не знать, чем знать то, что может в итоге причинить ему боль. Таким образом, используя фразеологизм *ябык казан ябык калсын*, субъект речи старается избежать неприятных эмоций. Другой фразеологизм, выражающий отрицательную эмоцию субъекта речи к понятию закрытости – *я ләхет, я тәхет*. Данный фразеологизм дословно переводится как *либо могила, либо трон*. Здесь также прослеживается стремление человека к крайности, к полярному противопоставлению вещей на плохое и хорошее для него. Данный фразеологизм ясен как в прямом, так и в переносном смысле. В прямом смысле лексема “могила” выражает закрытое пространство, а лексема “трон”, наоборот, открытое пространство. Отсюда становится ясным источник возникновения отрицательной ассоциации человека со значением лексемы “могила” и положительной ассоциации со значением лексемы “трон”, формирующих образное значение фразеологизма. Таким образом, первая часть фразеологизма – *я ләхет* – вызывает чувство грусти, печали, страха, т.е. отрицательные эмоции, а его вторая часть – *я тәхет* – порождает радость, восторг, т.е. положительные эмоции. Положительный смысл, несущий значение открытости и являющийся предвестником появления положительных эмоций, заключен также в таких фразеологизмах как *ачык күңел белән* (с открытой душой); *ачык чырай, такта чай* (хлеб да соль), *ачыклык кертү* (пролить свет) [7].

Лукьянова Н.А. в своей работе «Лексика разговорного употребления (проблемы семантики)» относит образность к одному из компонентов коннотации. Автор пишет, что «в структуре значения образного слова образность составляет его микроразнообразие, или семантический компонент (сему) [6]». Мы согласны с данной точкой зрения и считаем образность одним из компонентов значения слова – коннотации.

Коннотация, в свою очередь, (позднелат. *connotatio*, от лат. *con* – вместе и *noto* – отмечаю, обозначаю) отвечает за эмоциональное самовыражение значения слова. Отсюда становится ясной эмоциональная предпосылка образности, рассмотренная нами в вышеприведенных примерах. Коннотация вторична по отношению к денотации, которая

выполняет номинативную функцию значения слова. Коннотация, отвечающая за эмоциональную нагрузку слова, явление неоднородное, а многокомпонентное.

Существуют различные точки зрения на структуру коннотации. Мы вслед за с Н.А. Лукьяновой и относим образность к компонентам коннотации [6]. Кроме образности, автор выделяет и другие микрокомпоненты (термин И.А. Стернина [8]). Это “эмоциональная оценка”, “интенсивность” [6]. По поводу употребления термина “эмоциональная оценка”, автор пишет, что “очень трудно выделить разряд чисто эмоциональных и чисто оценочных слов” [6]. Однако мы считаем, что их совмещение не обязательно. Так, И. А. Стернин разделяет понятия оценка-эмоция и пишет, что оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом”. Но автор пишет также, что “эмоциональный компонент не может появиться в слове без оценки” [8]. Мы же считаем, что эмоциональный компонент имеет право на самостоятельное существование без оценки. Например: *Сүндөр тизрэк, иблис токымы!* (Выключай скорее, нечисть проклятая.) [3]. Так, из приведенных примеров видно, что эмоционально отрицательный фразеологизм *иблис токымы* не связан с оценкой, а выражает чисто эмоциональные отношения к предмету речи. Следующим компонентом коннотации является оценочность. «Оценочность есть выраженная словом... оценка субъектом предмета речи. Следовательно, оценочность является семантическим признаком слова и составляет часть его коннотации» [6]. Наряду с тем, что эмоциональность является выражением эмоций, данный термин используется нами и в узком смысле. Под эмоциональностью в узком смысле мы понимаем «возможность языкового знака выразить факт эмоционального переживания субъектом явления действительности, которое составляет денотативное содержание данного языкового знака [6]. Таким образом, компонентами коннотации являются образность, оценочность, эмоциональность и интенсивность. Рассмотрев компоненты значения слова, становится ясным природа эмоциональности фразеологизмов. Фразеологизмы сосредоточили в себе большой потенциал в выражении эмоциональности, потому что в их структуре как минимум два слова, которые, в свою очередь, почти всегда включают в свою семную структуру эти компоненты.

Во фразеологизме один из компонентов коннотации может быть выражен ярче, чем другие. Например: 1) *Сикереп торып ул тагын эрле-бирле сугылды, лэкин бу катаудан котылырлык түгел иде* (Вскочив, он метался из стороны в сторону, но наказание было неизбежным) [10]. 2) *Энэ бит, уттай кызу эш өстендә, көн-төн хезмәт таләп итүче жәй уртасында дуслар, жыл-жыл атлап, авылны чыктылар һәм инде әрәмәлеккә дә якынлаштылар* (Вот ведь, в момент горячей поры, в середине лета, когда люди работают день и ночь, приятели покинули деревню и устремились в поречье) [10]. 3) *Гаделшаның күңелендә шик-шөбһә калмады – ахири дустаны башы-аягы белән батып гашыйк булган* (У

Гаделши не оставалось сомнений – его друг был по уши влюблен) [10]. В данных предложениях фразеологизмы *эрле-бирле сугылырга, жыл-жыл атларга, башы-аягы белән батып гашийк булырга* являются эмоциональными за счет семы интенсивности в семантике фразеологизмов.

В следующем примере эмоциональность создается за счет двух сем – образности и интенсивности. Например: *Хатыны исә, гомере буе участковый белән яшәп, шыр сөяккә калган һәм иске велосипед рамын хәтерләтә* (А жена, прожившая всю жизнь с участковым, была кожа да кости, и напоминала раму старого велосипеда) [10]. В данном примере образность проглядывается в словосочетании “сөяккә калу”, который можно дословно перевести как “остаться в костях”. Словосочетание усиливается за счет семы интенсивности, заключенной в наречии “шыр”, что переводится как “сплошь”, “весь”, “круглый” [9]. Таким образом, “шыр сөяккә калу” – исхудать, истощиться, одни кости.

В предложении *Ачуланма, Мәрди, син үзең пеләш, үзеңнең кармак очы кадәр дә акылың юк* (Не сердись, Марди, друг, ты вроде лысый, а у самого нет ни толики ума) [10] эмоциональность фразеологизма *кармак очы кадәр дә акылың юк* создается за счет нескольких сем коннотации – образности, интенсивности и оценочности. Образность создается за счет сравнения количества ума субъекта с величиной наконечника крючка – дословный перевод фразеологизма – нет ума даже с величины наконечника крючка. Сопоставление с наконечником крючка создает интенсивность фразеологизма, нахождение сходства между разными представлениями – крючка и ума, их несовместимость определяет оценочную сему коннотации. В следующем примере представлено сочетание другого набора сем коннотации - образности, интенсивности и эмоциональности. Например: *Елганың уң ярында калкып чыккан биек-биек йортларны һәм хисапсыз манараларны күрүгә, Андрейның ис-акылы китте* (Андрей диву дался, когда увидел на правом берегу возвышенные высокие дома и бесчисленные минареты) [4]. *Ис-акыл китү* – дословный перевод «лишиться ума-разума», перевод фразеологизма «удивляться / удивиться, дивиться, диву даваться» [9]. Выражение удивления человека до такой степени, что он, образно говоря, лишился ума-разума, создается за счет сем интенсивности, образности и эмоциональности. В данном случае состояние героя можно было денотативно выразить лексемой *гажәпләнде*. Тем не менее, автор использует фразеологизм, в котором доминирует сема эмоциональности и налицо отсутствие семы оценочности, т.к. оценка всегда исходит от говорящего, в отличие от эмоции, которая может принадлежать как говорящему, так и действующему лицу [2].

В современной прозе чаще встречаются фразеологизмы, отражающие отрицательные эмоции. Причину этого Р. У. Липер в своей статье «Мотивационная теория эмоций» объясняет тем, что «...основными эмоциями, выступающими в качестве образца в

повседневном мышлении, будут страх, гнев и горе, которым особенно свойственно проявляться в наглядных и сильных формах. Это означает, что представление об эмоциях изначально формировалось на материале отрицательных и связанных с избеганием эмоций». Причина большей «привлекательности» отрицательных эмоций, нежели положительных, объясняется тем, что «положительные эмоции меньше связаны с кризисными ситуациями» [5]. Например: 1) *Шушы яшел бишектә нарасый бала сыман тирбәлүче авыл бүген кайгы-хәсрәт йотып яшидер дип Ала-таудан да биегрәк очучы горур бөркет уйламыйдыр да* (Гордый орел, что летает выше горы Ала, возможно и не думает о деревне, которую ублаживала природа, словно невинного младенца, и которая сегодня переживает столь большое горе) [10]. 2) *Аларның кул кыска, талканнары коры. Андый-мондый бала була калса, баштан сыйнамаслар* (У них суровый нрав. Если случится беда, спасибо не скажут.) [4]. В первом примере представлен фразеологизм *кайгы - хәсрәт йоту*, являющийся антиценностью для субъекта речи, поскольку образный микрокомпонент фразеологизма *кайгы - хәсрәт йоту* (букв. глотать горе и страдания) выражает отрицательную эмоцию. Второй фразеологизм *баштан сыйнамаслар* (букв. не поглядят по головке) также несет в себе значение неприятия и используется для предостережения от наказания. Соответственно, значение данного фразеологизма также ближе к отрицательной эмоции, нежели к положительной, ассоциирующейся с удовольствием.

Таким образом, мы пришли к выводу, что человек постоянно выражает эмоциональное отношение к окружающему миру, которое базируется на основе базовых понятий удовольствия и страдания, выступающие для субъекта на уровне аксиологии как ценность и антиценность. Фразеологизм является достаточно сложной формой выражения человеком своего отношения к миру. Сложность фразеологизма состоит в его структуре – данная единица состоит как минимум из двух слов. Посредством фразеологической единицы человек выражает свое отношение к миру завуалировано. Это возникает по причине того, что одним из почти постоянно присутствующих компонентов коннотации фразеологизма является образность, формирующая переносное значение. Фразеологизм состоит как минимум из двух слов, что повышает шансы раскрытия его эмоционального потенциала. Эмоциональность фразеологизма формируют микрокомпоненты коннотативного макрокомпонента слова, такие как образность, оценочность, эмоциональность и интенсивность. Данные компоненты могут присутствовать в эмоциональной семантике слова отдельно друг от друга, либо сочетаясь друг с другом в различных комбинациях, но один из этих компонентов будет выражен ярче других. Эмоциональность некоторых фразеологизмов видна невооруженным глазом, и наоборот, эмоциональность некоторых из них раскрывается лишь в контексте.

Список литературы

1. Гайдук Н.А. Образность как категория современной лингвистики: трактовки и подходы к исследованию образных средств языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centrumpl.in.ua/forum/3-16-1> (дата обращения: 30.11.2014).
2. Галиуллина Г.Р., Галиева Н.Ф. Эмоциональный потенциал компонентов значения слова (на материале современной татарской прозы) // Филология и культура. - 2014. - №4 (38). - С. 57-62
3. Дәрзаман Ж. Жир авазы / Хәзерге татар прозасы. Беренче жыентык. Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты (ТаРИХ), 2003. – Б. 358
4. Имамов В. Утлы дала: тарихи роман / Вахит Имамов. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2012. – 760 б.
5. Липер Р.У. Мотивационная теория эмоций в сб. Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. – С.138-139
6. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц / Экспрессивность лексики и фразеологии. Сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1983. – С. 12-41.
7. Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Сафиуллина Ф.С. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.
8. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. / И. А. Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. – 156 с.
9. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. III. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 832 б.
10. Хәким З. Сайланма әсәрләр, II том. Повестьлар, хикәяләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 383 б.

Рецензенты:

Галиуллина Г.Р., д.ф.н., профессор кафедры татарского языка отделения татарской филологии и культуры им. Г. Тукая института языка и межкультурных коммуникаций им.Л.Н. Толстого, Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Юсупова А.Ш., д.ф.н., профессор кафедры общего и тюркского языкознания отделения татарской филологии и культуры им. Г. Тукая института языка и межкультурных коммуникаций им.Л.Н. Толстого, Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.